

Быстро вращается планета

Автор:

Мадлен Л`Энгл

Быстро вращается планета

Мадлен Л`Энгл

Квинтет времени #3

Мег Мёрфи, девочка, которая когда-то воспользовалась изломом во времени, чтобы спасти своего отца, выросла и вышла замуж – конечно же, за Кальвина, с которым они подружились, переживая те незабываемые приключения. И вот однажды осенью вся семья собралась за праздничным столом, и тут... И тут выяснилось, что наш мир на грани катастрофы. И только Чарльз Уоллес, младший брат Мег, может предотвратить гибель планеты в пламени третьей мировой войны. Для этого ему придется оседлать единорога и посетить иные времена, раскрыв многие тайны прошлого и будущего...

Эта книга – третья в цикле «Квинтет времени» – является продолжением прославленного бестселлера «Излом времени», экранизированного в 2018 году студией Уолта Диснея.

Впервые на русском языке!

Мадлен Л`Энгл

Быстро вращается планета

Madeleine L'Engle

A SWIFTLY TILTING PLANET

Copyright © 1978 by Crosswicks, Ltd.

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest

Literary Agency and The Van Lear Agency LLC.

Стихи в переводе Марины Авдониной

© О. Степашкина, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа» «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Хэлу Верселлу

Глава первая

В грозный час собираю днесь...

В большой кухне дома Мёрри было светло и тепло, задернутые шторы не впускали внутрь темный дождливый вечер. Мег Мёрри О'Киф составила для обеденного стола букет из хризантем, и желтые, бронзовые и бледно-золотые цветы словно добавили света помещению. Из печи тянуло восхитительным запахом жарящейся индейки, а мама Мег стояла у плиты и помешивала потроха в подливе.

Хорошо встречать День благодарения дома, думала Мег. Хорошо, когда вся семья собирается вместе и обменивается новостями. Близнецам Сэнди и Деннису, приехавшим из юридической и медицинской школ, не терпелось услышать про Кальвина, ее мужа, и про конференцию в Лондоне, где он – возможно, в эту самую минуту – делал доклад про иммунную систему у хордовых.

– Это большая честь для него – правда, сестренка? – сказал Сэнди.

– Огромная.

– А как насчет тебя, миссис О'Киф? – улыбнулся ей Деннис. – Слушай, мне до сих пор как-то странно называть тебя «миссис О'Киф».

– Мне тоже странно. – Мег посмотрела на кресло-качалку у камина, где сидела, глядя в огонь, ее свекровь. Для Мег именно она была миссис О'Киф. – У меня все хорошо, – ответила она Сэнди. – Просто прекрасно.

Деннис, уже весь из себя доктор, взял стетоскоп – он чрезвычайно им гордился – и приложил к растущему животу Мег. И просиял, услышав отчетливое сердцебиение ребенка внутри.

– И правда прекрасно!

Мег улыбнулась в ответ, потом посмотрела в другой угол кухни, на самого младшего из своих братьев, Чарльза Уоллеса. Они с отцом с упоением возились с моделью тессеракта: квадрат в квадрате и еще раз в квадрате – истолкование времени как измерения. Это была красивая и сложная модель из стальной проволоки, шарикоподшипников и оргстекла. Одни ее части вращались, другие

раскачивались, как маятник.

Чарльз Уоллес был маленьким для своих пятнадцати лет – чужой человек не дал бы ему больше двенадцати, – но в голубых глазах, устремленных на отца (который переставлял один из прутиков в модели), светились зрелость и незаурядный ум. Мег отметила про себя, что он сегодня молчалив. Чарльз Уоллес редко бывал многословен, но нынче, в День благодарения, когда буря завывала за стенами дома и скрипела флюгером на крыше, его молчание отличалось от обычной неразговорчивости.

Свекровь Мег тоже молчала, но как раз в этом не было ничего удивительного. Удивительно было другое – что она согласилась прийти на ужин в честь Дня благодарения. Миссис О'Киф была лишь на несколько лет старше миссис Мёрри, но выглядела старухой. Она потеряла большую часть зубов, волосы у нее были желтоватые и неухоженные и пострижены так, будто их кромсали тупым ножом. На лице застыло привычное выражение обиды. Жизнь не была добра к ней, и миссис О'Киф злилась на весь мир, а на Мёрри в особенности. Они не ожидали, что миссис О'Киф примет их приглашение, тем более когда Кальвин в Лондоне. Никто из семьи Кальвина не откликнулся на попытки Мёрри завязать дружеские отношения. Кальвин, как он сам объяснил Мег при их первой встрече, был биологической аномалией, уникалом в своей семье, и когда он получил ученую степень, его родственники решили, что он переметнулся в стан врага. А миссис О'Киф, как и большинство жителей деревни, не считала две докторские степени миссис Мёрри и ее эксперименты в лаборатории, примыкающей к кухне, настоящей работой. Поскольку мама Мег все-таки была признанным ученым, в деревне ее странности терпели, но не более того. Какая же это работа? Работа – это когда наводишь порядок в доме или когда ходишь с девяти до пяти на фабрику или в офис.

«Как эта женщина могла породить на свет моего мужа? – в сотый раз поразила Мег и представила себе жизнерадостное лицо Кальвина и его открытую улыбку. – Мама говорит, что она не так проста, как кажется на первый взгляд, но я ничего особенного в ней так и не увидела. Я лишь знаю, что не нравлюсь ей и вся моя семья не нравится. И почему только она пришла к нам на ужин? Лучше бы не приходила».

Близнецы по привычке принялись за свои прежние обязанности – стали накрывать на стол. Сэнди притормозил с букетом из вилок в руках и улыбнулся матери.

– Ужин в честь Дня благодарения – это практически единственный случай, когда мама готовит еду на кухне...

– ...а не в лаборатории на бунзеновской горелке! – подхватил Деннис.

Сэнди ласково похлопал ее по плечу:

– Ты не подумай, ма, мы не критикуем.

– В конце концов, эта бунзеновская стряпня ведет напрямик к Нобелевской премии. Мы очень гордимся тобой, мама, хотя вы с отцом и задали нам чертовски высокую планку.

– Приходится держать марку. – Сэнди взял из буфета стопку тарелок, пересчитал их и поставил рядом с большим блюдом, приготовленным для индейки.

«Дом», – подумала Мег. Эта мысль словно окутала ее покоем. Мег с нежностью и благодарностью посмотрела на родителей и братьев. Они терпели Мег все ее ершистое отрочество – а она до сих пор в полной мере не почувствовала себя взрослой. Казалось, будто всего лишь несколько месяцев назад у нее были брекеты, вечно сползающие очки, непослушные бурые волосы и тоскливая уверенность в том, что ей никогда не стать такой же красивой и уверенной в себе, как ее мать. Внутренним взором Мег по-прежнему видела себя скорее подростком, а не той привлекательной молодой женщиной, в которую превратилась. Брекеты сняли, очки сменились контактными линзами, и хотя у ее каштановых волос не было того роскошного медного отлива, что у матери, все же они были густыми и блестящими – Мег собирала их в узел на затылке. Когда она беспристрастно смотрела на себя в зеркало, то понимала, что красива, но так и не привыкла к этому факту. Трудно было поверить, что ее мать когда-то прошла через такое же превращение.

Интересно, а Чарльз Уоллес так же сильно изменится, как и она? Физически он развивался медленно. Родители думали, что его ждет внезапный скачок роста.

Мег скучала по Чарльзу Уоллесу куда сильнее, чем по близнецам или родителям. Старший и младший ребенок в семье, они всегда были родственными душами,

Чарльз Уоллес так хорошо улавливал все движения ее души, что одной логикой это объяснить было невозможно. Если в мире Мег что-то было не так, он всегда знал об этом и приходил на помощь, пусть даже все, чем он мог помочь, – это дать почувствовать, как он ее любит и ценит. Как хорошо, что сейчас, в День благодарения, она дома, вместе с ним! Родительский дом до сих пор оставался для Мег домом, потому что они с Кальвином часто проводили здесь выходные, а их съемная меблированная квартирка неподалеку от больницы, где работал Кальвин, была расположена в доме с табличкой «Держать домашних животных запрещено», и чувствовалось, что детям там тоже не будут рады. Они надеялись вскорости подыскать для себя собственное гнездышко. Ну а пока Мег приехала домой на День благодарения. Как же приятно было видеть всю семью в сборе и ощущать их любовь! Это помогало перенести ощущение одиночества: они с Кальвином расстались впервые со дня свадьбы.

– Я скучаю по Фортинбрасу, – вырвалось вдруг у Мег.

Мать повернулась к ней от плиты:

– Да. Этот дом опустел без собаки. Но Форт скончался в почтенном возрасте.

– А ты разве не собираешься завести другую собаку?

– Со временем. Правильная пока не подвернулась.

– Никак не можешь выбрать?

Мистер Мёрри оторвал взгляд от тессеракта:

– Наши собаки обычно сами к нам приходили. Если никто не появится в свое время, мы что-нибудь придумаем.

– Мег, – попросила мать, – может, сделаешь крем для сливового пудинга?

– Да, конечно.

Мег открыла холодильник и достала полфунта масла.

Зазвонил телефон.

– Я возьму.

Мег пошла к телефону, по пути положив масло в миску.

– Отец, это тебя. Кажется, из Белого дома.

Мистер Мёрри быстро подошел к телефону:

– Здравствуйте, мистер президент.

Он улыбнулся, но потом Мег увидела, как улыбка сползла с его лица, сменившись выражением... Нет, сменившись отсутствием всякого выражения.

Близнецы перестали болтать. Миссис Мёрри застыла, положив деревянную ложку на край кастрюли. Миссис О'Киф продолжала угрюмо смотреть в огонь. Чарльз Уоллес, казалось, сосредоточился на тессеракте.

Папа просто слушает, подумала Мег. Президент говорит.

Она невольно поежилась. Вот только что на кухне шел оживленный разговор – и внезапно все замолчали и остановились. Мег изо всех сил прислушивалась, а отец все прижимал трубку к уху. Лицо его помрачнело. Морщинки, появившиеся вокруг его рта и глаз от привычки смеяться, залегли глубже, придавая отцу суровый вид. По окнам снова забарабанил дождь. В это время года уже пора бы выпасть снегу, подумала Мег. Неладно что-то с погодой. Неладно.

Мистер Мёрри продолжал внимательно слушать, и его молчание растекалось по кухне. Сэнди – он как раз перед этим открыл духовку, чтобы полить индейку вытопившимся соком и стащить ложечку начинки, – так и стоял, наклонившись и глядя на отца. Миссис Мёрри чуть отвернулась от плиты и пригладила волосы, начавшие серебриться на висках. Мег полезла в ящик стола за венчиком для взбивания и теперь крепко сжимала его в руках.

В самом звонке от президента не было ничего необычного. Мистер Мёрри много лет консультировал Белый дом по вопросам физики и космических путешествий.

Бывали серьезные разговоры, но Мег чувствовала, что этот – совсем особый. Из-за него в теплой комнате повеяло холодом, свет потускнел.

– Да, мистер президент, я понимаю, – сказал наконец мистер Мёрри. – Спасибо, что позвонили.

Он медленно положил трубку обратно на рычаг, словно она вдруг сделалась очень тяжелой.

Деннис, который так и стоял с вилками в руках, спросил:

– Что он сказал?

Отец покачал головой, но ничего не ответил.

Сэнди закрыл дверцу духовки:

– Папа?

– Папа! – воскликнула Мег. – Мы же понимаем: что-то случилось! Скажи нам! Ну пожалуйста!

Голос отца прозвучал холодно и отстраненно:

– Война.

Мег инстинктивно прикрыла рукой живот:

– В смысле – ядерная война?

Семья сплотилась, и мистер Мёрри протянул руку, чтобы включить мать Кальвина в их круг. Но миссис О'Киф закрыла глаза и ушла в себя.

– Это Бешеный Пес Бранзилльо? – спросила Мег.

– Да. Президент считает, что на этот раз Бранзилльо намерен привести свои угрозы в исполнение и нам не останется ничего другого, кроме как использовать антибаллистические ракеты.

– Но откуда у такой маленькой страны могла взяться ракета?

– Веспуджия не меньше Израиля, а у Бранзилльо имеются могущественные друзья.

– Он действительно способен сделать это?

Мистер Мёрри кивнул.

– Так что, боевая готовность? – спросил Сэнди.

– Да. Президент сказал, у нас двадцать четыре часа на то, чтобы попытаться предотвратить трагедию, но я никогда еще не слышал такой безнадежности в его голосе. А он не из тех, кто легко сдается.

Кровь отхлынула от лица Мег.

– Это конец всему. Конец миру.

Она посмотрела на Чарльза Уоллеса, но тот казался почти таким же отстраненным, как миссис О'Киф. Чарльз Уоллес, который всегда был открыт ей, теперь закрылся. А Кальвин находился по другую сторону океана. Мег в ужасе повернулась обратно к отцу.

Он не стал опровергать ее слова.

Старая женщина у камина открыла глаза и презрительно поджала тонкие губы:

– О чем вообще речь? С чего бы вдруг президенту Соединенных Штатов звонить сюда? Вы что, решили меня разыграть?

Но страх в глазах не вязался с ее словами.

– Это не розыгрыш, миссис О’Киф, – сказала миссис Мёрри. – Белый дом уже много лет регулярно консультируется с моим мужем.

– Я и не знала, что он, – миссис О’Киф угрюмо взглянула на мистера Мёрри, – политик.

– Он и не политик. Он физик. Но президенту бывает нужна научная информация и нужен человек, которому можно доверять, у которого нет личных проектов, с которыми он носитя, и политической позиции, в которую он уперся бы. Мой муж весьма сблизился с новым президентом. – Миссис Мёрри помешала подливку, потом умоляюще протянула руки к мужу. – Но почему? Почему?! Все же знают, что в ядерной войне победителей не будет!

Чарльз Уоллес оторвался от тессеракта:

– Эль Рабиозо. Это его прозвище. Означает «бешеный пес». Бешеный Пес Бранзилльо. Имя Эль Рабиозо вполне подходит человеку, который устроил кровавый военный переворот, чтобы свергнуть демократическое правительство. Он действительно бешеный, и ему не нужны причины.

– Один безумец в Веспуджии, – с горечью произнес Деннис, – может нажать на кнопку и уничтожить цивилизацию, и все, над чем работали мама и папа, исчезнет в грибовидном облаке. Почему президент не может заставить его одуматься?

Сэнди положил новое полено в камин, словно стараясь обрести надежду в тепле и свете.

Деннис продолжал:

– Если Бранзилльо это сделает – ну, запустит ракеты, – все может закончиться полным уничтожением человечества...

Сэнди скривился:

– Может, это не так уж и плохо.

– И даже если кто-то выживет в малонаселенной местности, в горах и пустынях, из-за радиоактивных осадков по всей планете их дети будут мутантами. Почему президент не может заставить его понять это? Никому не нужна война такой ценой.

– Президент пытался, и не раз, – сказал мистер Мёрри, – но Бешеный Пес вполне достоин своего имени. Он понимает, что проиграл, и хочет унести с собой в могилу все человечество.

– Значит, они запустят ракеты из Веспуджии, мы запустим в ответ свои, и чего ради? – В голосе Сэнди звенел гнев.

– Эль Рабиозо считает это актом возмездия, карой. Западный мир отхватил слишком большую часть мировой энергии, мировых ресурсов, и нас следует наказать, – объяснил мистер Мёрри. – Мы ответственны за серьезную нехватку нефти и угля, за вырубку лесов, за ущерб, нанесенный атмосфере, и он собирается заставить нас расплатиться за это.

– Он обвиняет нас, – сказал Сэнди, – но если он заставит нас расплатиться, Веспуджия заплатит так же дорого!

Миссис О'Киф протянула морщинистые руки к огню.

– Призываю в Таре днесь... – пробормотала она.

Мег вопросительно посмотрела на свекровь, но старая женщина отвернулась. Мег решила сказать в пространство, не обращаясь ни к кому лично:

– Я понимаю, что это эгоистично прозвучит, но лучше бы Кальвин не уезжал в Лондон ни на какую конференцию! Я хотела бы уйти с ним.

– Я знаю, милая, – отозвалась миссис Мёрри, – но доктор Луиза полагала, что тебе следует остаться.

– Если бы можно было хотя бы позвонить ему...

Чарльз Уоллес вышел из молчаливой отрешенности и сказал:

- Она еще не случилась, эта ядерная война. Никто еще не запустил ракеты. А пока этого не произошло, остается шанс, что никогда и не произойдет.

На лице Мег промелькнул слабый отблеск надежды. Ей подумалось: может, лучше бы нам было, как всему остальному миру, не знать, что наши жизни могут оборваться до следующего восхода? Как нам к этому подготовиться?

- Призываю днесь... - снова пробормотала старая женщина, но отвернулась, когда Мёрри на нее посмотрели.

Чарльз Уоллес спокойно заговорил с родными - но глядел он при этом на Мег:

- Сегодня День благодарения, и все мы вместе, не считая Кальвина, и мать Кальвина с нами, и это важно, и все мы знаем, что сердцем Кальвин тоже с нами.

- В Англии День благодарения не празднуют, - заметил Сэнди.

- Но мы празднуем. - Голос отца был тверд. - Накройте стол, как собирались, пожалуйста. Деннис, ты наполнишь бокалы?

Пока мистер Мёрри нарезал индейку, а миссис Мёрри уваривала подливку, Мег взбила крем, а близнецы и Чарльз Уоллес поставили на стол миски с рисом, начинкой, овощами, клюквенным соусом. Миссис О'Киф пальцем не пошевелила, чтобы им помочь. Она посмотрела на свои натруженные руки, потом уронила их на колени.

- Призываю в Таре днесь...

На этот раз никто ее не услышал.

Сэнди, пытаясь пошутить, сказал:

- А помните, как мама решила приготовить овсяное печенье на бунзеновской горелке, на сковородке?

- Получилось вполне съедобно, - сказал Деннис.

- С твоим аппетитом все съедобно!

- Он и сейчас грандиозен, вопреки всему.

- Садитесь за стол, - сказала миссис Мёрри.

Когда все заняли свои места, она машинально протянула руки, и вся семья, включая миссис О'Киф, сидевшую между мистером Мёрри и Мег, взялась за руки, образовав круг.

- Давайте споем «Dona nobis pacem»[1 - «Даруй нам мир» (лат.) - традиционный католический канон. (Здесь и далее - примеч. перев.)], - предложил Чарльз Уоллес. - Ведь мы все молим о мире.

- Тогда пусть начинает Сэнди, - сказала Мег. - У него самый лучший голос. Потом вступят Деннис и мама, а затем папа, ты и я.

Их голоса слились в старинной мелодии, повторяя раз за разом: «Даруй нам мир, даруй нам мир, даруй нам мир...»

Голос Мег дрожал, но все-таки она сумела допеть до конца. Когда еду начали раскладывать по тарелкам, вместо обычной веселой беседы воцарилось молчание.

- Странно, - сказал мистер Мёрри, - что источником смертельной угрозы оказался южноамериканский диктатор из почти неизвестной маленькой страны. Мег, тебе грудку?

- И темного мяса тоже, пожалуйста. И какая ирония судьбы в том, что все это происходит в День благодарения!

- Я помню, как мама рассказывала про одну давнюю весну, много лет назад, когда отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом сделались такими напряженными, что эксперты предсказывали: до конца лета разразится ядерная война, - сказала миссис Мёрри. - Они не были паникерами или пессимистами; это было взвешенное, обдуманное суждение.

И мама рассказывала, как она гуляла по лугу и думала, зацветет ли ива еще хоть раз? И после этого она каждую весну ждала, когда на иве появятся пушистые почки, и вспоминала те дни. И никогда больше цветение ивы не было для нее чем-то обыденным.

Ее супруг кивнул:

- Тогда приговор был отменен. Может, так будет и сейчас.

- Тогда было похоже? - Взгляд карих глаз Сэнди был серьезен.

- Не было. Но тем не менее пришло еще много славных весен, и ива цвела. - Он передал клюквенный соус миссис О'Киф.

- Сбираю днесь, - пробормотала она и жестом отказалась от соуса.

Мистер Мёрри подался к ней:

- Что это?

- В Таре я собираю днесь, - раздраженно произнесла миссис О'Киф. - Не могу вспомнить. Важно. Вы не знаете?

- Боюсь, нет. Что это такое?

- Слово. Слово Патрика. Нужно сейчас.

Мать Кальвина всегда была неразговорчива. Дома она общалась с окружающими в основном посредством ворчания. Ее дети, за исключением Кальвина, поздно начали говорить, потому что до школы им редко доводилось услышать полное предложение.

- Моя бабка была из Ирландии. - Миссис О'Киф указала на Чарльза Уоллеса и опрокинула свой бокал.

Деннис вытер пролитое бумажным полотенцем.

– Полагаю, в космическом плане не имеет особого значения, взорвет себя наша второразрядная планетка или нет.

– Деннис! – воскликнула Мег и повернулась к матери. – Извините, что использую это в качестве примера, но, Дэн, помнишь, как мама выделила в митохондриях фарандолы?

– Конечно помню, – перебил сестру Деннис. – За это она и получила Нобелевскую премию.

Миссис Мёрри подняла руку:

– Дай Мег сказать.

– Ну так вот: фарандолы такие крохотные, что казалось, будто они не могут иметь никакого особенного значения, но они существуют в симбиозе с митохондриями...

– Все, понял. А митохондрии обеспечивают нас энергией, и если что-то случится с нашими фарандолами, это повлияет и на митохондрии...

– И, – подытожила Мег, – если такое случится, мы можем умереть от потери сил, как тебе хорошо известно.

– Продолжай, – сказал Сэнди.

– Так что если мы взорвем собственную планету, это наверняка скажется на нашей Солнечной системе, а это может повлиять на нашу Галактику, а это может повлиять...

– Старая добрая теория о цепной реакции? – спросил Сэнди.

– Более того. Взаимозависимость. Не просто одно ведет к другому по прямой, но всё и все повсюду взаимодействуют.

Деннис выбросил мокрое бумажное полотенце, положил поверх испачканной скатерти чистую салфетку и заново наполнил бокал миссис О'Киф. Несмотря на

двойные рамы, задернутые шторы зашевелились и по комнате прошел сквозняк. В каминную трубу брызнули тяжелые капли дождя, и огонь зашипел.

– Я все-таки думаю, – сказал Деннис, – что ты переоцениваешь важность этой планеты. Мы все перепортили. Может, и к лучшему будет, если мы взорвемся.

– Деннис, ты же врач! – возмутилась Мег.

– Пока еще нет, – сказал Сэнди.

– Ну так скоро будет! Ему полагается оберегать жизнь и заботиться о ней!

– Извини, сестренка, – быстро сказал Деннис.

– Это просто его способ насвистывать в темноте. – Сэнди положил себе рису с подливкой и поднял стакан, салютуя сестре. – И вообще, помирать лучше на полный желудок.

– Я серьезно, хоть и не совсем, – сказал Деннис. – Я думаю, что мы неправильно расставили приоритеты – мы, люди. Мы забыли, что стоит беречь, а что нет, иначе мы бы не влипли в такую передрагу.

– Серьезно, несерьезно... – проворчала миссис О'Киф. – Никогда не понимала, что вы такое болтаете. Даже ты. – И она снова указала на Чарльза Уоллеса, хоть на этот раз и не опрокинула бокал.

Сэнди посмотрел поверх стола на младшего брата – тот выглядел маленьким и бледным.

– Чарльз, ты почти ничего не ешь и не разговариваешь.

– Я слушаю, – ответил Чарльз Уоллес, глядя не на Сэнди, а на сестру.

Мег насторожилась:

– Что слушаешь?

Чарльз Уоллес качнул головой – едва заметно, так, что поняла только Мег. И перестала расспрашивать.

– Призываю в Тару днесь всю святую мощь Небес![2 - Здесь и далее перевод стихов М. Авдониной.] – Миссис О’Киф указала на Чарльза и снова опрокинула бокал.

На этот раз никто не шелохнулся, чтобы вытереть лужу.

– Моя бабка из Ирландии. Она учила меня. Говорила, это очень важно. Призываю в Тару днесь всю святую мощь Небес... – Голос ее иссяк.

Дети миссис О’Киф звали ее Ма. У всех, кроме Кальвина, это звучало как оскорбление. Мег трудно было называть свекровь мамой, но теперь она отодвинула стул, вышла из-за стола и присела рядом со старой женщиной.

– Ма, – мягко спросила она, – чему вас учила ваша бабушка?

– Полагаться на это Слово, чтоб сдерживать тьму.

– Но как?

– Всю святую мощь Небес, – напевно произнесла миссис О’Киф:

Солнце – светоч наш дневной,

Снег, слепящий белизной,

Пламень, властный греть и жечь...

В это мгновение в дымоход как будто ведро воды вывернули. Языки пламени заметались, и в комнату повалили клубы дыма.

– Пламень, властный греть и жечь, – твердо повторил Чарльз Уоллес.

Яблоневые поленья зашипели, но пламя собралось с силами и снова ярко вспыхнуло.

Миссис О'Киф положила корявую руку на плечо Мег и с силой надавила, словно это помогало ей вспоминать:

Молнию – разящий меч,

Ветер, чей так скор полет...

Ударил мощнейший порыв ветра, и дом содрогнулся, но устоял.

Миссис О'Киф давила, пока Мег не показалось, что она сейчас упадет под этой тяжестью.

Море – бездну темных вод,

Скалы, чьи отвесны склоны,

Землю с твердью непреклонной...

Опершись о плечо Мег, она встала и осталась стоять, глядя на языки пламени в камине.

Пусть по милости Творца,

Всемогущего Отца,

Встанет эта мощь стеной

Между силой тьмы и мной.

В голосе ее зазвучало торжество:

– Пуцай знает этот Бешеный Пес Бран-как-его-там!

Близнецы в замешательстве переглянулись. Мистер Мёрри отрезал еще кусок индейки. Лицо миссис Мёрри было безмятежно, но к общению не располагало. Чарльз Уоллес задумчиво смотрел на миссис О'Киф. Мег поднялась и вернулась на свое место, сбжав от невероятной тяжести свекровиной руки. Мег была уверена, что на плече у нее остались синяки – отпечатки пальцев.

Когда Мег отошла, миссис О'Киф словно съежилась и тяжело осела в кресле.

– Очень она на это надеялась, бабка-то моя. Сто лет об этом не думала. Старалась не думать. С чего вдруг сегодня вечером вспомнила? – Она дышала с трудом, словно переутомилась.

– Похоже на «Щит святого Патрика», – сказал Сэнди. – Мы его пели в певческом клубе в колледже. Одна из моих любимых песен. Изумительные созвучия.

– Не песня! – возразила миссис О'Киф. – Слово. Патриково Слово. Чтоб уберечь от беды. В грозный час собираю днесь всю святую мощь Небес...

И тут внезапно погас свет. Порыв ветра пронесся над столом и задул свечи. Урчание холодильника смолкло. Печь в подвале перестала мурлыкать. Холодная сырость завладела комнатой, и в нос ударил запах разложения. Огонь в очаге съежился.

– Скажи его, Ма! – воскликнул Чарльз Уоллес. – Скажи его целиком!

Голос миссис О'Киф был еле слышен.

– Я забыла...

Молния вспыхнула так ярко, что свет проник через задернутые шторы. Следом раздался страшный раскат грома.

– Я скажу его вместе с тобой, – настойчиво проговорил Чарльз Уоллес. – Но нужно, чтобы ты помогла мне. Давай. В грозный час собираю днесь всю святую мощь Небес...

Молния и гром ударили почти одновременно. Потом раздался оглушительный треск.

– Попало в какое-то дерево, – сказала миссис Мёрри.

– Всю святую мощь Небес, – повторил Чарльз Уоллес.

Голос старой женщины подхватил:

- Солнце – светоч наш дневной...

Деннис чиркнул спичкой и зажег свечи. Сперва их огоньки метались и воск стекал ручейками, но потом они успокоились и загорелись ярко.

...Снег, слепящий белизной,

Пламень, властный греть и жечь,

Молнию – разящий меч...

Мег ждала, что сейчас снова вспыхнет молния и ударит уже в сам дом. Вместо этого свет зажегся так же внезапно, как до этого погас. Печь заурчала. Комната снова наполнилась теплом и светом.

...Море – бездну темных вод,

Скалы, чьи отвесны склоны,

Землю с твердью непреклонной.

Пусть по милости Творца,

Всемогущего Отца,

Встанет эта мощь стеной

Между силой тьмы и мной.

Чарльз Уоллес немного отодвинул штору.

- Дождь перешел в снег. Земля бела и прекрасна.

- Отлично. – Сэнди оглядел комнату. – И что все это означает? Я понимаю, что-то произошло – но что?

Несколько мгновений все молчали.

Потом Мег произнесла:

- Возможно, у нас появилась надежда.

Сэнди отмахнулся от ее слов:

- Мег, ну будь же благоразумна, в самом-то деле.

- Зачем? Мы живем в неблагоразумном мире. Ядерная война неблагоразумна. Благоразумие ничего нам не даст.

- Но нельзя же вовсе от него отказываться! Вон Бранзилльо отбросил всякое благоразумие и сошел с ума.

- Ладно, Сэнди, - сказал Деннис. - Я с тобой согласен. Но что произошло?

Мег посмотрела на Чарльза Уоллеса, однако тот снова ушел в себя.

- Как бы нам этого ни хотелось, - отозвался Сэнди, - но причуды погоды здесь, на северо-востоке Соединенных Штатов, никак не влияют на то, нажмет или нет какой-то безумец в Южной Америке на кнопку, чтобы развязать войну, которая, очень может быть, подведет итог всем войнам.

Ребенок шевельнулся в животе у Мег, напомнив о жизни.

- Папа, а президент собирался звонить еще?

- Он сказал, что позвонит, когда... когда появятся какие-нибудь новости. Те или иные.

- В течение двадцати четырех часов?

- Да. Не хотел бы я сейчас находиться на его месте.

- Да и на нашем несладко, - сказал Деннис. - Поразительно, как только мир в это вляпался?

Чарльз Уоллес продолжал смотреть в окно:

- Снег прекратился. Ветер сменился на северо-западный. Тучи расходятся. Я вижу звезду.

Он отпустил шторы.

Миссис О'Киф кивком указала на него:

- Ты. Чак. Я пришла из-за тебя.

- Почему, Ма? - мягко спросил Чарльз Уоллес.

- Ты знаешь.

Он покачал головой.

- Останови его, Чак. Останови Бешеного Пса Брана... Останови его.

Миссис О'Киф выглядела сейчас старой и маленькой, и Мег поразились: как она могла с такой силой надавить ей на плечо? И еще миссис О'Киф дважды назвала Чарльза Уоллеса Чаком. Никто никогда не называл его Чаком. Изредка - просто Чарльзом, но Чарли или Чаком - никогда.

- Миссис О'Киф, хотите чаю? - спросила миссис Мёрри. - Или кофе?

Миссис О'Киф невесело засмеялась:

- Ну да. Не слушаете. Думаете, я деревенщина. Умные больно, слушать такое. Чак знает. - Она снова кивнула в сторону Чарльза Уоллеса. - Утром сегодня встала - не собиралась идти. Потом мне что-то велело идти, хочу или не хочу. Не знала, почему, пока не увидела тебя с их большими древними глазами, и Слово начало возвращаться ко мне, и я снова поняла, что Чак не дурачок. Думать не думала про это Слово, Чак, от бабули и доныне. Ты его получил. Используй. - Миссис О'Киф приостановилась, чтобы перевести дыхание. Они впервые слышали от нее такую длинную речь. Тяжело дыша, она закончила: - Я хочу

домой. – Но никто не отозвался, и она повторила: – Отведите меня домой.

– Но, миссис О’Киф! – попытался подольститься к ней Деннис. – У нас же салат, с помидорами и авокадо, а потом будет горящий сливовый пудинг!

– Да пусть сгорит твой пудинг. Я сделала, зачем пришла. Отведите меня домой.

– Как скажете, миссис О’Киф. – Мистер Мёрри встал. – Дэн, Сэнди, кто из вас проводит миссис О’Киф домой?

– Я, – вызвался Деннис. – Сейчас принесу ваше пальто, мэм.

Когда машина отъехала, Сэнди проговорил:

– Ее ведь почти можно принять всерьез.

Старшие Мёрри переглянулись, и миссис Мёрри ответила:

– Я и принимаю.

– Да брось, мама! Что, всю эту чепуху с молитвой и Чарльзом Уоллесом, который в одиночку остановит Бешеного Пса Бранзилльо?

– Не обязательно слово в слово. Но я принимаю миссис О’Киф всерьез.

Мег встревоженно взглянула на Чарльза Уоллеса, потом обратилась к матери:

– Ты всегда говорила, что она не так проста, как кажется на первый взгляд. Наверное, сейчас мы увидели часть этой «непростоты».

– Хорошо бы, – сказал отец.

– Ну ладно, но что тогда это было? Это же... это же неестественно!

– А что естественно? – спросил Чарльз Уоллес.

Сэнди приподнял брови:

- О'кей, братишка, и что же ты станешь делать? Как планируешь остановить Бранзилльо?

- Не знаю, - серьезно ответил Чарльз Уоллес. - Я воспользуюсь этим Словом.

- Ты его запомнил? - спросила Мег.

- Запомнил.

- Ты слышал - она назвала тебя Чаком?

- Слышал.

- Но никто никогда тебя не называет Чаком. Откуда она это взяла?

- Я точно не уверен. Возможно, из прошлого.

Зазвонил телефон, и все вздрогнули. Мистер Мёрри кинулся к столику с телефоном и замешкался на мгновение, прежде чем снять трубку.

Но это был не президент. Это Кальвин позвонил из Лондона. Он немного поговорил с каждым, пожалел, что не застал свою мать и Денниса, но очень обрадовался, что мать хотя бы приходила. Его доклад приняли очень хорошо. Конференция интересная. Наконец он попросил снова позвать Мег, сказал ей лишь «я тебя люблю» и положил трубку.

- Я всегда теряю голову при звонках из-за океана, - сказала Мег, - так что вряд ли он что-нибудь заметил. Нет никакого смысла говорить ему о том, чему он не может помочь: он будет только мучиться... - Она отвернулась.

Тут вошел Деннис, дую на пальцы.

- Кальвин звонил из Лондона. - Мег сглотнула слезы. - Он передает тебе свои наилучшие пожелания.

– Жалко, что не поговорили. Ну а теперь – как все-таки насчет салата, а потом сливового пудинга?

«Почему мы пытаемся вести себя так, будто ничего не случилось?» – подумала Мег, но не стала задавать этот вопрос вслух.

Ее отец сказал:

– Знаете, мои дорогие, мир был ненормален так долго, что мы позабыли, каково это, жить в покое и рассудительности. Если где и отыщется место рассудку, то лишь в наших собственных домах.

– Даже в такое время? – спросила Мег. Звонок от Кальвина, голос мужа чуть не лишили ее самообладания.

– Особенно в такое время, – мягко произнесла мать. – Мы не знаем, что произойдет в ближайшие двадцать четыре часа, и если случится то, чего мы боимся, тогда внутренние мир и покой послужат нашей цели.

– В самом деле? – Голос Мег снова дрогнул.

– Не забывай, – сказал мистер Мёрри, – мы с твоей матерью принимаем миссис О'Киф всерьез.

– Папа, – укоризненно сказал Сэнди, – ты же ученый! Ты не можешь принимать эту старую женщину всерьез!

– Я очень серьезно отношусь к отклику сил природы на ее молитву.

– Подумаешь, совпадение, – без какой-либо особой уверенности протянул Деннис.

– Мои занятия физикой научили меня, что совпадений не бывает.

– Чарльз Уоллес так ничего и не сказал. – Мег посмотрела на младшего брата.

- Так как, Чарльз? - спросил Деннис.

Чарльз Уоллес медленно покачал головой. Он казался озадаченным.

- Не знаю. Думаю, подразумевается, что я должен что-то с этим сделать, но я не знаю, что именно. Но если я для этого предназначен, мне дадут знать.

- Маленькие зеленые человечки из глубин космоса? - спросил Сэнди.

- Что-то в глубине души даст мне знать. Кажется, больше никто не хочет салата. Давайте выключим свет, и пусть папа подождет пудинг.

- Что-то мне не особо хочется выключать свет, - сказала Мег. - Вдруг скоро электричества не станет. Давайте наслаждаться им, пока возможно.

- Я бы лучше насладился пламенем сливового пудинга, - сказал Чарльз Уоллес.

Миссис Мёрри достала пудинг из пароварки и переложила на блюдо. Деннис воткнул в верхушку веточку остролиста. Мистер Мёрри щедро полил пудинг бренди из бутылки. Когда он зажег спичку, Чарльз Уоллес выключил свет, а Сэнди задул свечи. Бренди вспыхнул сияющим голубым пламенем. Мег оно показалось ярче, чем бывало в другие Дни благодарения. Горящий сливовый пудинг был их традиционным праздничным десертом, потому что, как говаривала миссис Мёрри, на бунзеновской горелке пирог с корочкой не получается, а ее попытки приготовить пирог с мясом или тыквой успехом не увенчались.

Мистер Мёрри наклонил блюдо так, чтобы бренди загорелся весь. Язычки огня продолжали плясать, яркие, чистые, голубые скорее голубизной теплого летнего неба, а не ледяной зимы.

- Пламень, властный греть и жечь, - тихо произнес Чарльз Уоллес.

- Вот именно, - сказала Мег. Она смотрела на поленья, весело потрескивающие в камине. - Огонь может согреть тебя, но, вырвавшись на волю, он может сжечь твой дом дотла. Он может сжечь целые города.

– Силу всегда можно было использовать не только для созидания, но и для разрушения, – сказал Чарльз Уоллес. – Этот огонь для того, чтобы помогать и исцелять.

– Надеюсь, – сказала Мег. – Очень надеюсь.

Глава вторая

Всю святую мощь Небес...

Мег сидела, опираясь на подушки, на старой латунной кровати в мансарде и пыталась читать, потому что думать было слишком больно – точнее даже, не думать, а представлять ужасное будущее. А Кальвина рядом с ней не было, чтобы поделиться, чтобы поддержать... Мег опустила книгу. Это был один из старых сборников сказок. Она оглядела комнату, ища утешения в привычных вещах. Волосы ее были распущены на ночь и мягко ложились на плечи. Мег посмотрела на себя в старое мутное зеркало над комодом, и, несмотря на недавнюю ее тревогу, собственное отражение ей понравилось. Она снова выглядела как ребенок, только куда красивее, чем была в детстве.

Услышав тихую бархатную поступь, Мег насторожилась. Полосатый котенок просеменил по широкой половице, запрыгнул на кровать и принялся вылизываться с громким мурлыканьем. Котята всегда оказывались поблизости, хотя бы один. Мег не хватало их старого черного пса. Интересно, как Фортинбрас отреагировал бы на то, что случилось за ужином? Мег чувствовала бы себя более счастливой, если бы старый пес лежал на своем обычном месте в изножье кровати (где ему лежать, вообще-то, запрещалось), потому что он отличался необычайной даже для собаки чувствительностью ко всему, что могло помочь или навредить его людям.

Мег стало зябко, и она закуталась в потрепанное лоскутное одеяло. Она вспомнила, как миссис О'Киф призывала всю святую мощь Небес, и подумала с дрожью, что ей бы хватило большой любящей собаки. Небеса в этот вечер продемонстрировали немалую мощь, и мощь эта была слишком дикой и неуправляемой для утешения.

И еще Чарльз Уоллес. Ей не хватало ее брата. Миссис О'Киф призвала Чарльза остановить Бранзилльо. Чарльзу потребуются все силы, какие ему смогут дать Небеса.

Чарльз Уоллес пожелал Мег спокойной ночи, но как-то отрывисто, думая о своем, и бросил на нее лишь взгляд, но такой печальный, что этот взгляд и поныне заставлял ее держать свет включенным, а книгу открытой. В любом случае Мег было не до сна, сон затерялся где-то во времени, разбитом вдребезги телефонным звонком президента.

Котенок встал, потянулся, выгнув спинку, трижды обернулся вокруг собственной оси и плюхнулся на удивление тяжело для такого крохотного создания Мег под бок. Мурлыканье постепенно стихло – котенок заснул. Мег подумала, а сможет ли она еще когда-либо спать так, с ощущением безопасности, переходить в мир грез без страха перед тем, что может произойти ночью. От усталости у нее щипало глаза, но Мег не хотела закрывать их и лишаться утешения, которое нес вид настольной лампы с двумя ее желтыми шарами, просевших книжных полок, собственноручно сооруженных ею из кирпичей и досок, синей ситцевой занавески на окне. Край занавески обвис сильнее, чем Мег готова была терпеть, и она еще до свадьбы собиралась подшить его. Завтра, подумала она. Если завтра настанет.

Услышав шаги на лестнице, ведущей на чердак, Мег напряглась, потом расслабилась. У всех в семье выработалась привычка машинально переступить через седьмую ступеньку, которая не только скрипела, когда на нее наступишь, но частенько еще издавала звук, напоминающий выстрел. А они с Чарльзом Уоллесом научились ставить ногу с левого края ступеньки так, что та выпускала лишь длинный медленный вздох. Когда один из них поступал так, это означало: «Я хочу поговорить».

Мег слушала, как брат идет по чердаку. Вот качнулась старая деревянная лошадка, которую Чарльз Уоллес, как обычно, дружески хлопнул по крупу, а вот свистнул дротик, брошенный в пробковую мишень. Маленькие знаки, которые они разрабатывали столько лет.

Чарльз Уоллес прошел через длинные узорчатые нити бус, занавесивших дверной проем, встал у изножья кровати и примостил подбородок на высокую латунную спинку. Он посмотрел на сестру, не улыбаясь, потом забрался в изножье кровати, как привык делать еще в детстве, и уселся там, скрестив ноги.

- Она вправду ожидает, что я что-то сделаю.

Мег кивнула.

- В кои-то веки я скорее на стороне близнецов, чем мамы с папой. Близнецы считают, что все это неблагоприятно и невозможно, - добавил Чарльз Уоллес.

- Ну... помнишь, мама всегда говорила, что она не так проста, как кажется.

- А как насчет Слова?

Мег вздохнула:

- Она дала его тебе.

- И что мне следует с ним делать?

- Остановить Бранзилльо. И я, пожалуй, тоже поддерживаю близнецов. Все это не имеет никакого смысла.

- Ты когда-нибудь разговаривала с ней по-настоящему? Ты вообще ее знаешь?

- Нет. И никто не знает, я думаю. Кальвин считает, что она давным-давно запретила себе любить хоть кого-то или что-то, чтобы не быть уязвимой.

- Как ее девичья фамилия? - спросил Чарльз Уоллес.

Мег нахмурилась:

- Не помню. А что?

- Да так, просто. Я совершенно ничего не соображаю. Но она сказала, что Слово дала ей ее бабушка... Ты не знаешь, как ее имя?

Мег в задумчивости прикрыла глаза:

– Бранвен. Да, точно! И она подарила мне на свадьбу пару льняных простыней. Они были грязные. Мне пришлось их постирать раз десять, и оказалось, что они великолепны. Они, должно быть, из ее собственного сундука с приданым. На них вышиты инициалы: БМЗ.

– И что значат М и З?

– Не помню...

– Думай, Мег. Давай я попробую вникнуть в это.

Мег снова закрыла глаза и попыталась расслабиться. Ощущение было такое, как будто от чрезмерной мыслительной нагрузки ее мозг сделался слишком жестким и закрытым, и она, медленно и глубоко дыша, открыла его – и воспоминания и мысли высвободились и всплыли в сознании, где можно было поделиться ими с Чарльзом Уоллесом.

– М... – медленно проговорила Мег. – Я думаю, М – это Мэддокс.

– Мэддокс. Что-то такое вроде бы припоминается, но не могу сообразить. Мег, я хочу, чтобы ты рассказала мне о ней все, что только сможешь.

– Я мало что знаю.

– Мег... – Зрачки его глаз расширились настолько, что от радужки осталась лишь светло-голубая полоска по ободку. – Каким-то образом она получила нечто, способное помочь справиться с Бранзилльо.

– Это... это...

– Чепуха. Так сказали бы близнецы. И так оно и есть. Но она пришла к нам не когда-нибудь – именно сегодня, хотя прежде ее в гости было не зазвать. И ты сама слышала, она сказала, что не хотела идти, но ее что-то заставило. А потом она начала вспоминать Слово, о котором не вспоминала с самого детства, и велела мне воспользоваться этим Словом, чтобы остановить Бранзилльо.

– И она сказала, что мы считаем ее деревенщиной.

– Но она вовсе не деревенщина. Мама с папой это знают. А их никто не назовет фантазерами. Ну а что означает З?

И снова Мег покачала головой:

– Не знаю. Даже не помню, спрашивала ли я ее об этом, хотя вроде как должна была.

– Бранвен Мэддокс. Бранвен З. Мэддокс. – Чарльз Уильямс потер лоб. – Мэддокс. Отгадка где-то здесь.

Котенок зевнул и недовольно фыркнул, как будто они его побеспокоили. Мег осторожно погладила его по головенке, потом почесала мягкую шерстку на подбородке. Котенок замурлыкал снова и медленно прикрыл глаза.

– «Мэддокс» – это не то песня, не то баллада про то, как сражались два брата, что-то вроде «Чайльд Гарольда». Или, может, эпическая поэма... – Чарльз Уоллес спрятал лицо в ладонях. – Ну почему я не помню?! – с отчаянием воскликнул он.

– Это так важно?

– Да! Не знаю почему, но важно. Мэддокс схватился со своим братом и прогневал богов...

– Но Чарльз, при чем тут эта старая история?

– Это ключ к разгадке. Но я никак не могу сообразить... На улице очень холодно?

Мег удивленно посмотрела на него:

– Думаю, не очень. А что?

Чарльз Уоллес выглянул из окна:

- Снег не тает, но ветра особо нет. И мне нужно послушать.

- Лучшее слушательное место – звездный валун.

Чарльз Уоллес задумчиво кивнул. Большой плоский камень, оставшийся от тех времен, когда здесь расползались ледники, и прозванный семейством Мёрри звездным валуном, потому что на нем было здорово лежать и смотреть на небо – ничто не мешало, – действительно был хорошим местом, чтобы сесть и послушать. Когда они забирались на этот камень, чтобы посмотреть на звезды, оттуда видно было до самых холмов за долиной. За камнем рос небольшой лес. Оттуда была не видна – да и почти не слышна – цивилизация. Изредка доносился рев грузовика с отдаленного шоссе либо шум самолета с неба. Но по большей части там было достаточно тихо, чтобы слышать музыку времен года. Иногда по весне Мег казалось, будто она слышит, как растет трава. Осенью вокруг без конца распевали древесные лягушки, словно не желая отпускать лето с его радостями. Зимой, когда быстро холодало, Мег иногда пугал звук льда, замерзающего с треском, резким, как выстрел. Нынешняя ночь должна быть тихой – если не случится еще чего-нибудь необычного или пугающего. Для древесных лягушек, цикад и сверчков было уже слишком холодно. Можно было услышать разве что, как несколько листьев устало вздыхают на ветвях да как шуршит, расступаясь, высокая трава, в которой торит свой путь какой-то ночной зверек.

- Хорошая идея, – сказал Чарльз Уоллес. – Я пошел.

- Я с тобой.

- Нет. Оставайся здесь.

- Но...

- Ты помнишь, как на прошлой неделе, когда ты сильно простыла, доктор Луиза боялась, что у тебя начнется пневмония? Тебе нельзя рисковать простудиться снова. У тебя же ребенок.

- Ну ладно, Чарльз, но...

– Мег, – мягко сказал он. – Меня что-то удерживает, и мне нужно освободиться. Мне нужно побыть одному. Но мне очень надо, чтобы ты вникала со мной.

Мег забеспокоилась:

– Но я совсем отвыкла...

Вниканием они звали способность быть с другим, какое бы расстояние вас ни разделяло, и говорить на языке глубже слов. Чарльз Уоллес родился с этим даром. Понемногу Мег научилась понимать мысли, которые он посылал ей, узнавать то, что он хотел ей сообщить. Вникание намного превосходило обычное экстрасенсорное восприятие, и хотя для Чарльза Уоллеса оно было естественным, как дыхание, от Мег оно требовало глубокой сосредоточенности. Чарльз Уоллес и Кальвин – лишь с ними двумя она могла говорить на этой речи глубже слов и слышать их.

– Это все равно что плавание, – заверил ее Чарльз Уоллес, – или езда на велосипеде. Стоит лишь научиться, и ты никогда этого не забудешь.

– Я знаю... но я хочу пойти с тобой. – Она попыталась утаить мысль: «Чтобы защитить тебя».

– Мег. – Голос его был настойчив. – Ты нужна мне, но ты нужна мне здесь, чтобы вникать со мной на всем пути, от начала до конца.

– На пути куда?

Лицо Чарльза Уоллеса было бледным и напряженным.

– Я пока не знаю. У меня такое ощущение, что это будет долгий путь, но то, что нужно сделать, нужно сделать быстро.

– Но почему именно ты?

– Может, и не я. Мы точно не знаем. Но кто-то же должен.

«Если никто этого не сделает, – подумала Мег, – тогда этому миру конец – во всяком случае, тому миру, каким мы его знаем».

Она обняла брата и поцеловала.

– Мир да сопутствует тебе.

Мег выключила свет, легла и стала ждать, когда в ее сознании зазвучит голос Чарльза. Котенок потянулся, зевнул и снова заснул, и его глубочайшее безразличие действовало успокаивающе. Потом Мег села, внезапно заслышав собачий лай.

Лай, громкий и требовательный, все не умолкал. Вот точно так же лаял Фортинбрас, когда хотел привлечь внимание. Мег включила свет. Лай смолк. Стало тихо. Почему он прекратился? Мег поднялась с кровати, поспешно натянула халат и тапки и направилась вниз, позабыв про седьмую ступеньку. Та громко заскрипела. На кухне Мег увидела, как родители и Чарльз Уоллес глядят большущую беспородную собаку.

Миссис Мёрри посмотрела на Мег безо всякого удивления:

– Думаю, наша собака нас нашла.

Мистер Мёрри осторожно потянул за стоящее торчком ухо собаки; второе ухо обвисло.

– По виду она типичная дворняга, но, похоже, добрая и умная.

– Ошейника не видать, и вообще ничего такого, – сказал Чарльз Уоллес. – Она голодная, но не слишком худая.

– Найдешь ей что-нибудь поесть, Мег? – спросила миссис Мёрри. – В кладовой вроде еще оставалось что-то после Фортинбраса.

Насыпав в миску корма, Мег подумала, что все они ведут себя так, словно эта собака с ними надолго.

Ни в появлении собаки, ни в том, что семья так спокойно ее приняла, ничего странного не было. Фортинбрас пришел к ним точно так же: однажды возник на пороге щенком-подростком. Но именно от самой обычности происходящего на глаза Мег навернулись слезы.

- Как мы ее назовем? - спросила миссис Мёрри.

- Ее зовут Ананда, - невозмутимо сообщил Чарльз Уоллес.

Мег посмотрела на брата, но он лишь чуть заметно улыбнулся в ответ. Мег поставила миску, и собака принялась есть жадно, но аккуратно.

- Ананда, - задумчиво повторила миссис Мёрри. - Похоже на звон колокольчика.

- Это санскрит, - сказал Чарльз Уоллес.

- А что это означает? - спросила Мег.

- Радость бытия, без которой Вселенная рухнет.

- Очень уж большое имя для одной собаки, - сказала миссис Мёрри.

- Она большая собака, и это ее имя, - отозвался Чарльз Уоллес.

Когда Ананда закончила есть, вылизав старую миску Фортинбраса дочиста, то подошла к Мег, виляя хвостом, и протянула ей лапу. Мег взяла ее. Подушечки на лапе были холодными и грубыми.

- Ты красивая, Ананда.

- Ну не то чтобы, - с улыбкой сказал мистер Мёрри, - но она определенно умеет подать себя.

Засвистел чайник.

– Я сейчас заварю чай от простуды. – Миссис Мёрри выключила конфорку и залила кипятком стоявшую наготове кастрюльку. – А потом пойдем спать. Уже поздно.

– Мама, – поинтересовалась Мег, – ты не знаешь, как зовут миссис О'Киф? Бранвен?

– Кажется, да, хотя я вряд ли когда-нибудь решусь называть ее так. – Она поставила перед Мег чашку, над которой поднимался пар.

– Помнишь простыни, которые она нам подарила?

– О да, превосходные старинные льняные простыни.

– С инициалами. Большая буква М в середине, а по краям Б и З, немного поменьше. Ты не знаешь, что означает З?

– Зоя, или Зилла, или еще что-нибудь необычное. А что?

Мег снова ответила вопросом:

– А имя Бранвен что-нибудь означает? Оно какое-то странное.

– Самое обычное ирландское имя. Кажется, первая Бранвен была ирландской королевой, хотя прибыла она из Англии. Возможно, она была из пиктов, точно не скажу.

– Когда это было? – спросил Чарльз Уоллес.

– Точно не знаю. Давно.

– Больше двух тысяч лет назад?

– Наверное, около трех. А что?

Чарльз Уоллес налил молока себе в чай и внимательно посмотрел на непрозрачную жидкость.

- Это может оказаться важным. В конце концов, это имя Ма О'Киф.

- Она родилась здесь, в деревне, ведь так? - спросила Мег.

- Мэддоксы жили здесь с незапамятных времен, - ответил отец. - Она последняя из семейства, но Мэддоксы играли тут важную роль в восемнадцатом и девятнадцатом веках. А потом для них настали тяжелые времена.

- А что случилось? - не унимался Чарльз Уоллес.

Мистер Мёрри покачал головой.

- Думаю, твоей матери или мне надо как-нибудь найти время и изучить историю деревни. Наши корни тоже погребены где-то в ее прошлом. Я унаследовал этот дом от двоюродной бабушки, которую почти не знал, как раз когда мы приняли решение уехать от городской суеты и продолжить исследования в тишине и покое. И этот дом стал решающим доводом.

- Оказалось, что здесь у нас остается не больше времени для других занятий, чем в городе, - печально произнесла миссис Мёрри. - Но по крайней мере, здесь мы заваливаем себя работой сами - никто нам ее не навязывает.

- Эта Бранвен, - продолжал расспрашивать Чарльз Уоллес, - была важной королевой?

Миссис Мёрри приподняла брови:

- Откуда этот внезапный неумный интерес?

- Бранвен Мэддокс О'Киф была необычайно интересна сегодня вечером.

Миссис Мёрри пригубила чай:

– Я не вспоминала мифологию Британских островов с тех самых пор, как вы стали слишком большими, чтобы читать вам на ночь. Полагаю, что Бранвен была важной персоной, иначе я бы ее не запомнила. Извини, но добавить мне нечего. Последние годы я больше интересовалась клеточной биологией, чем мифологией.

Чарльз Уоллес допил чай и отнес чашку в раковину:

– Ничего, если я пойду пройдусь?

– Лучше не надо, – сказал отец. – Уже поздно.

– Пожалуйста, папа. Мне нужно послушать. – И голос, и лицо его казались очень юными.

– А тут послушать нельзя?

– Слишком много отвлекающих факторов, слишком много чужих мыслей...

– Это не может подождать?

Чарльз Уоллес посмотрел на отца и ничего не ответил.

Мистер Мёрри вздохнул:

– Все мы приняли миссис О'Киф и события этого вечера близко к сердцу, но ты всегда был склонен слишком много на себя взваливать.

Голос мальчика напрягся.

– На этот раз я ничего на себя не взваливал. Это возложила на меня миссис О'Киф.

Отец серьезно посмотрел на него и кивнул:

– Куда ты собрался?

– Недалеко. К звездному валуну.

Мистер Мёрри сполоснул свою чашку, и еще раз сполоснул, и еще.

– Ты еще ребенок.

– Мне пятнадцать лет. И со мной ничего не случится между домом и камнем.

– Хорошо. Только недолго.

– Не дольше необходимого.

– И возьми с собой Ананду.

– Мне нужно побыть одному. Пожалуйста, папа.

Мистер Мёрри снял очки, посмотрел сквозь них на сына, держа очки на отлете, потом надел снова.

– Хорошо, Чарльз.

Мег смотрела на мать и думала, что та, наверное, еле удерживается, чтобы не напомнить своему младшему ребенку не забыть про ботинки и теплую куртку.

Чарльз Уоллес улыбнулся матери:

– Я надена синий анорак, который Кальвин мне привез из Норвегии.

Последней он улыбнулся сестре, потом прошел к черному ходу и плотно притворил за собой дверь.

– А остальным пора в кровать, – сказала миссис Мёрри. – Тебе в особенности, Мег. Ты же не хочешь снова простудиться?

– Я возьму с собой Ананду.

- Мы даже не знаем, приучена ли она проситься на улицу, - возразил отец.

- Она ела, как хорошо выдрессированная собака.

- Ладно, тогда пускай идет с тобой.

Мег не знала, почему появление большой светло-рыжей собаки вызвало у нее такое облегчение. В конце концов, Ананда не может быть ее собакой. Когда Кальвин вернется из Лондона, им нужно будет возвращаться на свою съемную квартиру, а там не разрешают держать животных, и Ананде придется остаться у Мёрри. Но все шло как надо. Мег чувствовала, что Ананда нужна.

Собака поднялась вместе с Мег наверх, словно всю свою жизнь прожила в доме Мёрри, протрусилась через захламленный чердак и прошла в комнату Мег. Котенок спал на кровати. Большая собака понюхала этот комочек меха и замолотила хвостом от избытка дружеских чувств. Хвост у нее был длинный, с золотистым подвесом, указывающим, что где-то у нее в родне был сеттер или лабрадор-ретривер. Собака с таким хвостом могла снести все на своем пути не хуже, чем слон в посудной лавке. Котенок открыл глаза, пошипел для порядка и заснул снова. Ананда одним прыжком вскочила на кровать и радостно замолотила мощным хвостом. Котенок проснулся и перебрался на подушку.

- Спать на кровати не разрешается! - объявила Мег. То же самое она часто говорила Фортинбрасу.

Ананда умоляюще взглянула на нее янтарными глазами и тихонько заскулила.

- Ну ладно, только здесь, наверху. Внизу - ни в коем случае! Если хочешь стать частью семьи, тебе придется это усвоить.

Ананда гулко шлепнула хвостом. Свет настольной лампы заблестел в ее глазах, делая их золотыми. Шерсть ее лоснилась.

- Ну-ка подвинься. - Мег улеглась. - Теперь, Ананда, - возвращение к детской привычке разговаривать вслух с домашними животными действовало на нее успокаивающе, - нам нужно очень внимательно слушать Чарльза Уоллеса. Ты должна помогать мне вникать, или тебе придется сойти с кровати.

Она погладила Ананду. Шерсть собаки пахла папоротниками, мхом и осенними ягодами, а на ощупь была теплой и чуть покалывала ладонь. Покалывание поднялось от ладони вверх по руке. Мег отчетливо увидела внутренним взором, как Чарльз Уоллес идет через место, где некогда располагался огород близнецов, а теперь росла небольшая роща елочек – проект, которым они могли заниматься на каникулах. Их великолепный огород прекратил существование, когда близнецы уехали в колледж. Мег скучала по нему, но понимала, что родители слишком заняты, чтобы ухаживать за чем-либо серьезнее грядочки с салатом и помидорами.

Чарльз Уоллес шел знакомым путем. Положив руку на Ананду – покалывающее тепло перетекало между ними в обе стороны, – Мег следовала за братом. Когда он вышел на открытое место, где находился звездный валун, дыхание Ананды участилось. Мег чувствовала, как поднимается и опускается грудная клетка большой собаки под ее рукой.

Луны не было, но звездный свет посеребрил зимние травы. Деревья за камнем стояли темными тенями. Чарльз Уоллес посмотрел через долину на темный гребень сосен и на тени холмов за ним. Потом он запрокинул голову и воскликнул:

В грозный час собираю днесь

Всю святую мощь Небес!

Звезды засверкали ярче. Чарльз Уоллес продолжал смотреть вверх. Он сосредоточил взгляд на звезде, пульсировавшей особенно сильно. Между звездой и Чарльзом Уоллесом протянулся луч света, крепкий, как лестница, но прозрачный, как вода, и невозможно было сказать, от кого этот свет исходит, от пронзительной серебристой синевы звезды или от ярких голубых глаз мальчика. Луч становился все мощнее и крепче, а потом превратился в сияние рядом с мальчиком. Постепенно сияние стало обретать облик и воплотилось в огромное белое существо со струящимися гривой и хвостом. Серебряный рог у него во лбу все еще сиял отблесками того света. Это было само совершенство.

Мальчик положил руку на огромный белый бок; бок тяжело вздымался, как будто существо не отошло от скачки. Мальчик чувствовал, как теплая кровь течет по

жилам существа, как свет, пришедший от звезды к нему.

- Ты реален? – зачарованно спросил он.

Создание ответило серебристым ржанием, и Чарльз Уоллес понял его:

- Не реален. Но в некотором смысле я единственная реальность.

- Почему ты пришел? – Мальчик тоже тяжело дышал, не столько от страха, сколько от возбуждения и предвкушения.

- Ты позвал меня.

- Слово... – прошептал Чарльз Уоллес. Он с любовью и признательностью посмотрел на великолепное создание, стоящее рядом с ним на звездном валуне. Оно легонько ударило серебряным копытом, и камень отозвался звоном, будто горн запел. – Единорог. Настоящий единорог.

- Так вы зовете меня. Да.

- Что ты такое на самом деле?

- А что ты такое на самом деле? – возразил единорог. – Ты позвал меня, и поскольку нужда велика, я здесь.

- Ты знаешь про нашу нужду?

- Я увидел ее в твоём разуме.

- Как так получилось, что ты говоришь на моем языке?

Единорог снова заржал, и звук этот был полупрозрачным, словно серебристые пузырьки.

- Я и не говорю на нем. Я говорю на языке древней гармонии.

- Тогда как же я тебя понимаю?

- Ты очень молод, но ты часть Древней Музыки.

- Ты знаешь мое имя?

- Тут, в этом Здесь и Сейчас, тебя зовут Чарльз Уоллес. Это отважное имя. Оно годится.

Чарльз Уоллес поднялся на цыпочки, чтобы обнять прекрасное животное за шею.

- Как мне звать тебя?

- Ты можешь звать меня Гаудиор. - Слова падали на камень, будто маленькие колокольчики.

Чарльз Уоллес задумчиво посмотрел на сияние рога.

- Гаудиор. На латыни это означает «более радостный».

Единорог заржал, соглашаясь.

- Радость в существовании, без которого...

Гаудиор легонько топнул по камню, и снова раздался звук серебряной трубы.

- Не подталкивай свой разум чрезмерно.

- Но я прав насчет Гаудиора?

- И да и нет.

- Ты реален и ты нереален, я неправ и я прав.

- Что такое реальность? - Голос Гаудиора был чист, как пение трубы.

– Что мне надлежит сделать теперь, когда я воззвал к Небесам с их мощью и ты пришел?

Гаудиор заржал.

– Хоть меня и послали Небеса, но силы мои четко очерчены и ограничены. И меня никогда не посылали прежде на твою планету. Похоже, дело трудное. – Он виновато потупился.

Чарльз Уоллес посмотрел на припорошенный снегом камень у себя под ногами.

– Мы не особо хорошо обустроили нашу планету, да?

– Многие предпочли бы позволить вам самоуничтожиться, однако это затронет всех нас. Кто знает, что может случиться? Но пока остаются те немногие, кто принадлежит к Древней Музыке, вы наши братья и сестры.

Чарльз Уоллес погладил Гаудиора по длинной благородной голове:

– Тогда что я должен сделать?

– Мы будем вместе.

Гаудиор осторожно опустился на колени, давая понять, что Чарльз Уоллес должен взобраться к нему на спину. Но даже так мальчику оказалось нелегко вскарабкаться на единорога и сесть поближе к могучей шее, чтобы можно было держаться за серебряную гриву. Он изо всех сил прижал ноги в резиновых сапогах к бокам единорога.

– Ты когда-нибудь прежде ездил на ветре? – спросил Гаудиор.

– Нет.

– Нам следует опасаться эхтров, – предупредил Гаудиор. – Они попытаются оседлать ветер и сбить нас с пути.

- Эхтр... - Взгляд Чарльза Уоллеса помрачнел. - Это значит «враг».

- Эхтр, - повторил Гаудиор. - Древний враг. Это он искажил гармонию и собрал войско разрушителей. Они повсюду во Вселенной.

Чарльз Уоллес почувствовал, как по спине его пробежали мурашки.

- Держись за мою гриву, - посоветовал единорог. - Всегда есть вероятность наткнуться на эхтров, и если такое случится, они постараются сбросить тебя.

Чарльз Уоллес вцепился в гриву так, что костяшки пальцев побелели. Единорог помчался вперед, скользя над верхушками трав, и выше, выше, над холмами, вспрыгнул на ветер и поскакал вместе с ним, все выше и выше, к звездам...

Глава третья

Солнце - светоч наш дневной...

Мег в своей чердачной спальне посмотрела на Ананду. Та дружески замолотила хвостом.

- И что это было? - спросила Мег.

Ананда лишь еще раз стукнула хвостом, разбудив котенка. Котенок вяло фыркнул и перебрался на другой угол подушки.

Мег посмотрела на свой старенький будильник, стоящий на привычном месте на книжной полке. Стрелки, похоже, не двигались.

- Совершенно не понимаю, что происходит.

Ананда тихонько заскулила, как скулит обычная собака в ответ на вопрос, простая дворняжка, каких много в деревне.

– Гаудиор, – пробормотала Мег. – Более радостный. Хорошее имя для единорога. Гаудиор. Ананда. Радость, без которой Вселенная развалится и схлопнется. Неужели наш мир утратил радость? И потому у нас тут такое творится?

Она задумчиво погладила Ананду, потом подняла руку, касавшуюся собачьего бока. От руки исходило теплое сияние.

– Я сказала Чарльзу Уоллесу, что отвыкла вникать. Наверное, я слишком повзрослела. Откуда ты узнала, что нужна нам, Ананда? Ведь когда я прикасаюсь к тебе, то вникаю так глубоко, как никогда прежде.

Мег снова положила руку на теплый бок и закрыла глаза, дрожа от сосредоточенности.

Она не увидела ни Чарльза Уоллеса, ни единорога. Не увидела ни знакомой местности со звездным валуном, лесом и холмами, ни ночного неба с бесчисленными галактиками. Она не увидела ничего. Вокруг не было ничего. Не было ветра, на котором можно нестись, который может сдуть.

Не было ничего. Не было ее. Не было темноты. Не было света. Ни взгляда, ни звука, ни касания, ни запаха, ни вкуса. Ни сна, ни пробуждения. Ни грез, ни знания.

Ничего.

А потом вспыхнула радость.

Все ее чувства ожили, пробудились и наполнились радостью.

Темнота была, и темнота была хороша. Как и свет.

Свет и тьма танцевали вместе, рождались вместе, порождали друг друга, никто не предшествовал, никто не шел следом – оба существовали в полноте своей, в ритме радости.

Утренние звезды пели вместе, и древняя гармония была юна, и это было хорошо. Это было очень хорошо.

А потом ослепительная звезда повернулась спиной к тьме, и тьма поглотила ее, и, поглотив ее, тьма сделалась тьмой, и теперь во тьме было нечто неправильное, и что-то неправильное было в свете. И это было нехорошо. Великолепие гармонии разбил пронзительный крик, шипение, смех, в котором не было веселья, а лишь отвратительная, ужасная какофония.

С непонятной уверенностью Мег осознала, что она сейчас переживает то, что переживает Чарльз Уоллес. Она не видела ни Чарльза Уоллеса, ни единорога, но она постигала знание Чарльза Уоллеса.

Разрушение гармонии было болью, было страданием, но гармония поднялась над болью, и радость запульсировала в свете, и свет с тьмой снова познали друг друга и стали частью радости.

Звезды и галактики помчались, становясь все ближе, ближе, пока множество галактик не сделались одной галактикой, одна галактика сделалась одной солнечной системой, одна солнечная система сделалась одной планетой. Нельзя было сказать, что это за планета, ибо она еще только формировалась. Пар поднимался над расплавленной поверхностью. В этом предначальном котле не могло быть ничего живого.

Потом появились всадники ветра и запели древнюю гармонию, и мелодия эта все еще была нова, и ласковые ветра остудили жар. И кипение, шипение, горение, испускание пара превратились в дождь, в эпохи дождя, тучи изливались непрерывными потоками дождя, что покрыл всю планету целительной тьмой, пока не иссякли наконец, и тусклый свет пробился сквозь полог и коснулся вод океана, слабо поблескивавшего, как огромная жемчужина.

Из моря поднялась земля и начала покрываться зеленью. Крохотные побеги превратились в огромные деревья, папоротники выше самых высоких дубов. Воздух был свеж и пах дождем и солнцем, зеленью деревьев и растений, синевой неба.

Воздух был насыщен влагой. Солнце горело, как медь, за плотной завесой облаков. Горизонт дрожал от жары. Из-за высокого папоротника высунулась маленькая зеленая голова на длинной тонкой шее, растущей из массивного тела. Шея покачивалась, пока маленькие глазки осматривались по сторонам.

Тучи закрыли солнце. Тропический ветерок усилился и превратился в холодный ветер. Папоротники поникли и увяли. Динозавры пытались уйти от холода и умирали: их легкие схлопывались от резкого понижения температуры. Лед неумолимо затягивал землю. В отдалении брел, принюхиваясь, огромный белый медведь, искал пищу.

Лед и снег, и потом снова дождь, и наконец солнечный свет, вырвавшийся из-за туч, и снова зелень, зелень травы и деревьев, синее небо днем, искорки звезд ночью.

Единорог и мальчик очутились на тихой поляне, окруженной деревьями.

– Где мы? – спросил Чарльз Уоллес.

– Мы здесь, – нетерпеливо ответил единорог.

– Здесь?

Гаудиор фыркнул:

– Ты что, не узнаешь?

Чарльз Уоллес оглядел незнакомую местность. Папоротники тянули листья к небу, словно пили синеву. Деревья вздымали ветви, будто стремясь поймать ветер.

Мальчик повернулся к Гаудиору:

– Я никогда прежде здесь не бывал.

Гаудиор озадаченно покачал головой:

- Но это твое собственное Где, хотя и не твое Когда.

- Мое что?

- Твое собственное Где. Ты стоял здесь и взывал к Небесам, и тебе послали меня.

И снова Чарльз Уоллес огляделся и покачал головой.

- Ну да, это Когда сильно другое, - уступил Гаудиор. - Ты не привык двигаться во времени?

- Я двигался во времени пятнадцать лет.

- Но только в одном направлении.

- А! - Мальчик наконец понял. - Это не мое время, да? Ты имеешь в виду, что мы в том же самом месте, где звездный валун, и лес, и дом, но в другом времени?

- Единорогам легче двигаться во времени, чем в пространстве. Пока мы не узнаем точнее, что нам надлежит сделать, я буду чувствовать себя увереннее, если мы будем оставаться в том же Где.

- Так ты знаешь, где мы? Ну то есть когда? В прошлом или в будущем?

- Я думаю, ты назвал бы это Когда «Давным-давно».

- Так мы не в настоящем времени...

- Конечно в настоящем. Где мы, там и настоящее время.

- Мы не в моем настоящем. Не в том Когда, когда ты пришел ко мне.

- Когда ты призвал меня, - поправил его Гаудиор. - Когда - не имеет значения. Важно то, что происходит в этом Когда. Ты готов двигаться дальше?

- Но... ты же сказал, что мы будем здесь? Там, где был звездный валун - ну то есть будет.

- Да, сказал. - Гаудиор ударил копытом по буйной зелени молодой травы. - Если ты намерен исполнить то, что тебя попросили исполнить, тебе придется путешествовать взад-вперед.

- Взад-вперед во времени?

- Во времени, да. И в людях.

Чарльз Уоллес изумленно посмотрел на него.

- Что?

- Тебя призвали найти одно из Могло-Бы-Быть, и чтобы сделать это, тебе придется Погружаться в других людей.

- Погружаться? Но я не знаю, получится ли у меня...

- А почему нет? - удивился Гаудиор.

- Но... если я мысленно Погружусь в кого-то, что станется с моим телом?

- О нем позаботятся.

- А я вернусь обратно?

- Если все пройдет хорошо.

- А если не все пройдет хорошо?

- Будем твердо надеяться, что все пройдет хорошо.

Чарльз Уоллес обхватил себя руками, словно пытаясь согреться:

- Ты удивляешься, что я боюсь?

- Конечно ты боишься. Я тоже боюсь.

- Гаудиор, это очень страшно, когда тебе небрежно говорят, что ты должен отправиться в чье-то чужое тело. Что будет со мной?

- Я точно не знаю. Но ты не сгинешь. Ты останешься собой. Если все пройдет хорошо.

- Но я буду и кем-то другим тоже?

- Если достаточно откроешься.

- Если я буду в теле другого человека, мне придется быть сильным за нас двоих?

- Возможно, - заметил Гаудиор, - что из вас двоих сильнее окажется хозяин тела. Ты согласен?

- Не знаю...

- Похоже, - сказал Гаудиор, - что тебя призвали. А призыв никогда не делается наугад, он всегда сообразен цели.

- Какой цели?

Гаудиор не ответил на это, но сказал:

- Похоже, у тебя талант к Погружению.

- Но я никогда...

- Разве ты не умеешь Погружаться в мысли сестры?

– Ну, когда мы вникаем – немного да. Но я же не буквально захожу в Мег или становлюсь ею. Я остаюсь собой.

– Остаешься ли?

Чарльз Уоллес задумался:

– Когда я вникаю с Мег, я полностью осознаю ее. А когда она вникает со мной, она больше осознает меня, чем себя. Думаю, вникание в чем-то подобно твоему Погружению. Да, так немного меньше страшно.

Гаудиор тряхнул бородкой.

– Ныне ты призван Погрузиться до глубочайших пределов. А я призван помочь тебе. – Свет его рога замерцал и потускнел. – Ты видел начало.

– Да.

– И ты видел, как разрушитель почти с самого начала пытался испортить древнюю гармонию?

– Откуда взялся этот разрушитель?

– Из блага, конечно же. Эхтр желал всю славу загрести себе, а когда такое происходит, добро перестает быть добром. А за первым эхтром последовали другие. Куда бы ни пошли эхтры, тени следуют за ними и пытаются проехаться на ветре. Существуют места, где никто и не слышал про древнюю гармонию. Но там всегда существует момент, в котором есть Могло-Бы-Быть. И нам нужно отыскать Могло-Бы-Быть, которое приведет нас к данному конкретному злу. Я видел множество Могло-Бы-Быть. Если бы выбрали вон то и то, тогда вот этого не случилось бы. Если бы то и то было сделано, тогда свет трудился бы совместно с тьмой, а не страдал от нее. Такое возможно, если ты сможешь перейти в момент Могло-Бы-Быть и изменить это.

Пальцы Чарльза Уоллеса крепче сжались на серебряной гриве.

– Я понимаю, что не смогу предотвратить катастрофу лишь потому, что мне это велела сделать миссис О’Киф. Может, я и самонадеянный, но не настолько же! Но моя сестра ждет ребенка, и я могу быть достаточно сильным, чтобы ради нее попытаться отвести беду. А миссис О’Киф дала мне Слово... – Чарльз Уоллес оглядел яркую зелень вокруг. Хотя на нем до сих пор были ботинки и теплый норвежский анорак, он не испытывал неудобств. Внезапно вокруг зазвучала песня, и на деревья опустилась стайка золотистых птиц. – Кстати, а где мы? Насколько давно?

– Давно. Я перенес нас в до всех Могло-Бы-Быть этой планеты, до того как появились люди, начали ссориться и научились убивать.

– Как мы попали сюда, в Давно?

– Вместе с ветром. Ветер веет где хочет.

– Он принес нас туда... в Когда, куда ты хотел?

Свет единорожьего рога запульсировал, и свет этот, заключивший в себе синеву неба, отразился в глазах Чарльза Уоллеса.

– До того как гармонии были нарушены, единороги и ветра танцевали вместе, радостно и без страха. Теперь эхтры жаждут завладеть ветром, как и всем прочим, так что случаются моменты, когда они скачут на ветре и превращают его в торнадо, и ты можешь радоваться, что мы ехали не на таком ветре – это всегда рискованно. Но мы попали в то Когда, куда я хотел, и у нас есть немного времени, чтобы перевести дыхание.

Золотистые птички порхали вокруг, а потом небо заполнили бабочки и вплелись в узор вместе с птицами. В траве сновали ящерики, яркие, как драгоценные камни.

– Вот ветер, который не затронут, – сказал Гаудиор. – Пойдем. Этот краткий взгляд – всё, что я могу тебе подарить из этого золотого времени.

– Мы вправду должны так скоро уходить?

- Нужда велика.

Да, нужда воистину была велика. Чарльз Уоллес посмотрел на единорога.

- И куда мы теперь?

Гаудиор нетерпеливо топнул ногой по пышной траве.

- Не Куда! Неужто ты не можешь удержать это в своей человеческой голове? В Когда! Пока мы не будем знать больше, чем сейчас, мы будем оставаться здесь, в твоём собственном Где. Что-то нужно узнать, и нам надо выяснить, что именно.

- А ты не знаешь?

- Я всего лишь единорог. - Гаудиор скромно опустил серебряные ресницы. - Я знаю лишь, что здесь, в этом месте, где ты смотришь на звезды, есть что-то важное для будущего. Но это в любом случае произошло уже после того, как Древняя Музыка сфер была нарушена. Так что теперь мы отправимся в Когда людей.

- А ты знаешь, когда это Когда?

Рог единорога снова замерцал. Чарльз Уоллес начал понимать, что это признак беспокойства или неуверенности.

- Далеко. Мы можем без страха мчаться с этим ветром, ибо здесь древние гармонии все еще не нарушены. Но может стать хуже, если следующее Когда диссонирует. Держись крепче. Я отнесу тебя туда, где ты Погрузишься.

- Погружусь? В кого? - Чарльз Уоллес запустил пальцы в гриву.

- Я спрошу у ветра.

- Ты не знаешь?

– Вопросы, вопросы! – Гаудиор топнул серебряным копытом. – Я не какой-нибудь компьютер! Только у машин есть благовидные ответы на все вопросы.

Рог ярко засверкал, от копыт Гаудиора полетели искры, и они взмыли вверх. Гладкие бока стали текучими, огромные крылья медленно распростерлись, и ветер подхватил их.

Мальчик чувствовал потоки ветра сверху и снизу. Скачка на единороге, скачка на ветре – он ощущал себя полным воплощением свободы и радости. Ветер, единорог и мальчик слились воедино.

Звезды и галактики кружились в космическом узоре, и радость единения была значительнее любого разлада вовне.

А потом, почти без перехода, они оказались среди камней, деревьев и высокой травы, рядом с большим озером. То, что много столетий спустя станет потом звездным валуном, ныне представляло собой небольшую каменную горку. За камнем высилась роща из папоротников и огромных раскидистых деревьев, незнакомых мальчику. Перед камнем вместо долины, как в Когда Чарльза Уоллеса, до самых холмов раскинулось сверкающее под солнцем озеро. Между камнем и озером вдоль берега полукругом выстроились странные хижины из камней и шкур – полудома, полушатры.

Перед постройками кипели жизнь и смех: мужчины и женщины ткали, лепили из глины горшки и миски, расписывали посуду яркими геометрическими узорами. Дети играли у края воды, плескались и пускали блинчики.

Какой-то мальчик сидел на скальном выступе и обстругивал острым камнем древко копья. Он был загорелым и худощавым, с блестящими волосами цвета воронова крыла; его темные глаза блестели, как вода в озере. Скулы у него были высокие, а губы – полные и яркие. Мальчик сосредоточенно трудился. Он посмотрел на искрящуюся поверхность озера и принюхался к запаху рыбы. Потом вернулся к своему занятию, но ноздри трепетали почти непрерывно, как будто он вдыхал зелень травы, синеву неба, запах красной крови животных в лесу. Казалось, мальчик не замечает единорога, стоящего на каменном склоне прямо перед ним, – ну или воспринимает прекрасное существо как нечто само собой разумеющееся. Гаудиор сложил крылья, и они сделались невидимыми; рог

сиял ровным светом.

Мег напряженно прижала руку к боку Ананды. Большая собака повернула голову, и теплый розовый язык успокаивающе лизнул руку.

Все чувства Мег обострились, как никогда прежде, – так не бывало даже в детстве. Синевая неба была такой яркой, что слепила ее внутреннее зрение. Хотя на чердаке было прохладно, Мег ощущала лучистое тепло дня; кожа ее пила очарование солнца. Никогда в жизни она не ощущала с такой силой ни тучности темной почвы, ни опьяняющей силы ветра.

Но почему? И как? Она видела единорога, но не видела Чарльза Уоллеса. Где он?

Потом она поняла.

Чарльз Уоллес был Внутри того мальчика на камне. Неким странным образом Чарльз Уоллес был этим мальчиком, смотрел его глазами, слышал его ушами – никогда еще пение птиц не звучало с такой искрящейся ясностью, – обонял его носом, а вникание передавало все эти пробудившиеся чувства ей.

Гаудиор тихо заржал.

– Ты должен быть осторожен, – предупредил он. – Ты не Чарльз Уоллес Мёрри. Ты должен забыть о себе, как делаешь это, когда вникаешь со своей сестрой. Ты должен стать своим хозяином.

– Мой хозяин...

– Харселс из народа Ветра. Ты не должен знать больше, чем знает он. Когда ты думаешь внутри его мыслей, ты должен держать свои мысли в стороне от него. А лучше вообще их не думать.

Чарльз Уоллес нерешительно шевельнулся внутри Харселса. Как бы он сам воспринял такое вторжение со стороны кого-то другого? Вторгался ли кто-то в него?

- Нет, - ответил Гаудиор, обращаясь к той части Чарльза Уоллеса, которая медлила полностью слиться с Харселсом. - Мы не посылаем никого в Погружение, если только опасность не становится настолько велика, что...

- Что?

Свет рога замерцал.

- Тебе известно кое о чем из того, что может произойти, если твоя планета будет взорвана.

- Немного, - жестко произнес Чарльз Уоллес. - Равновесие может нарушиться настолько, что солнце взорвется и превратится в сверхновую.

- Да, это одна из вероятностей. Все, что происходит внутри сотворенного Порядка, сколь бы мало оно ни было, оказывает свое действие. Если ты злишься, эта злость прибавляется ко всей той ненависти, при помощи которой эхтры исказили музыку и разрушили древнюю гармонию. Когда ты любишь, эта любовь вливается в музыку сфер.

Чарльз Уоллес ощутил дрожь неуверенности.

- Гаудиор, что я должен сделать... Внутри Харселса?

- Ты можешь начать наслаждаться пребыванием Внутри его, - предложил Гаудиор. - В этом Когда мир все еще знает Древнюю Музыку.

- Он видит тебя, как вижу я?

- Да.

- Он не удивлен.

- Для радости ничто не удивительно. Успокойся, Чарльз. Вникай с Харселсом. Будь Харселсом. Позволь себе решиться.

Единорог ударил копытом по камню, так что брызнули искры, соскочил с него, описав огромную дугу, и ускакал в лес.

Харселс встал и устало потянулся. Он тоже спрыгнул с камня с презирающей гравитацию грацией танцора балета, приземлился на упругую траву, весело кувыркнулся, вскочил на ноги и побежал к воде, окликая детей, ткачей, гончаров.

На берегу озера он застыл, обособившись от кипящей вокруг деятельности. Он поджал губы и мелодично, призывно свистнул, а потом позвал негромко:

– Финна, Финна, Финна!

Вода посреди озера взволновалась, и какое-то крупное существо поплыло к Харселсу, временами выпрыгивая из воды, и мальчик тоже кинулся в воду и поплыл к нему.

Финна была похожа на дельфина, только поменьше, и кожа у нее переливалась сине-зеленым. Встретившись с Харселсом, она выпустила фонтан через дыхало и окатила мальчика, тот рассмеялся.

Несколько мгновений они возились в воде, а потом оказалось, что Харселс едет верхом на Финне, несется вместе с ней по воздуху, крепко прижимается к ней, когда она ныряет глубоко под воду, хватая воздух, когда она снова выпрыгивает на поверхность, рассыпая брызги во все стороны.

Это была чистейшая радость.

Которая, как понял Чарльз Уоллес в повторяющихся вспышках красоты, была для Харселса образом жизни.

В спальне на чердаке Мег продолжала держаться за Ананду. Их обеих пробрала дрожь.

– О Ананда! – вырвалось у Мег. – Почему все не могло остаться таким? Что произошло?

«В Когда? – подумал Чарльз Уоллес. – В Когда мы?»

Для Харселса все Когда были Сейчас. Есть вчера, которое ушло, – это лишь сон. Есть завтра, образ, не отличающийся от сегодня. Когда всегда было Сейчас, ибо в этом юном мире некуда было особо смотреть ни вперед, ни назад. Если Сейчас хорошее, во вчера, хоть этот сон и приятен, нет необходимости. Если Сейчас хорошее, завтра наверняка будет таким же.

Народ Ветра был добрым и дружным. В тех редких случаях, когда разногласия все-таки возникали, их улаживал примиритель, и его решения всегда исполнялись. Рыбу ловили, мясо добывали с помощью луков и стрел, а в другом не нуждались. Каждый человек в племени знал, для какого дела он появился на свет, и ни один талант не считался важнее или незначительнее другого. Примиритель не был выше по положению даже самого младшего из поваров, который только учился разжигать костер или чистить рыбу.

Однажды чудовищного размера дикий кабан погнался за небольшой группой охотников и пропорол бок самому младшему и слабому из них. Харселс помог принести его домой и всю ночь просидел вместе с целителем, приносил свежий прохладный мох, чтобы прикладывать к воспалившейся ране, пел мольбы об исцелении каждой звезде, движущейся по небу в своем упорядоченном танце.

Наутро все ликовали, не только потому, что воспаление ушло из раны, но еще и потому, что Харселс нашел свой талант и поступил в ученики к целителю, чтобы, когда целитель уйдет к тем, кто движется среди звезд, Харселс занял его место.

Мелодия была чистой и сильной. Гармония была неразрушенной. Время все еще было молодо, и солнце ярко светило днем и без страха уходило на отдых в царство далеких звезд ночью.

У Харселса было много друзей среди соплеменников, но лучшими его товарищами были животные, Финна и птица по имени Эирн, нечто среднее между орлом и огромной чайкой, такая большая, что могла нести Харселса на себе. Перья у Эирн были белые, а ближе к кончикам делались розовыми с пурпурным оттенком. Голову ее венчал пучок розовых перьев, а глаза у нее были рубиновые. С Харселсом на спине она летела все выше и выше, пока воздух не делался разреженным и мальчику не становилось тяжело дышать. Она летала далеко и высоко, так что он повидал и обиталища далеких племен, и океан, что

раскинулся, казалось, до края света.

Харселс спросил рассказчика историй про другие племена.

– Оставь их, – резко, как никогда, ответил рассказчик историй.

– Но это было бы интересно – познакомиться с ними. Может, они могут чему-то нас научить.

– Харселс, – сказал рассказчик историй, – я тоже летал на птице наподобие твоей Эирн, и я просил ее опуститься в укромном месте, откуда можно незаметно наблюдать. И я видел, как человек убил человека.

– Но почему?! Зачем одному человеку может понадобиться убивать другого?!

Рассказчик историй долго смотрел в ясные глаза мальчика.

– Будем надеяться, что мы никогда этого не узнаем.

Чарльзу Уоллесу было легко жить Внутри Харселса, под ярким юным солнцем, где темнота была другом света. Однажды, когда Харселс катался на Эирн, они пролетели над группкой жилищ, и мальчик начал упрашивать Эирн спуститься, но Чарльз Уоллес мягко увел его мысли к удовольствию полета – Эирн как раз поймала воздушный поток и скользила, едва шевеля крыльями. Чарльз Уоллес не знал, безопасно ли это маленькое вмешательство. Он знал лишь, что если Харселс узнает нравы племен, умеющих убивать, его радость исчезнет вместе с его невинностью.

«Это было правильно! – изо всех сил вникла ему Мег. – Ты правильно сделал!»

Она снова посмотрела на часы. Стрелки еле ползли. Пока в Ином Времени, где Чарльз Уоллес жил Внутри Харселса, времена года стремительно сменяли друг друга, время оказалось заперто в нынешнем моменте. Время двигалось лишь в том Когда, где земля была такой знакомой, а тот, кто дорог сердцу Мег, был иным, где плоский звездный валун был каменным холмом, зеленая долина –

озером, а рощица – темным лесом.

У Мег защемило сердце от тоски по времени, настолько полному радости, что не верилось в его реальность.

Ананда заскулила и встревоженно посмотрела на Мег.

– Что случилось? – перепугалась Мег.

Она услышала ржание Гаудиора и увидела пульсирующий серебряный свет, ослепительно-яркий свет, исходящий от единорожьего рога.

Чарльз Уоллес сидел на могучей спине Гаудиора и смотрел уже своими глазами на Харселса, Внутри которого он познал такую непосредственность и радость, что они навеки отпечатались в его сознании.

Мальчик осторожно потерся щекой о серебряную шею единорога и прошептал:

– Спасибо!

– Не благодари меня, – фыркнул Гаудиор. – Не я решаю, в кого ты Погрузишься.

– А кто же?

– Ветер.

– Так ветер разговаривает с тобой?

– Только когда ты Погружаешься. И не жди, что это будет каждый раз. Думаю, тебя послали Погрузиться в Харселса, ибо так тебе легче всего было привыкнуть к Погружениям. И ты должен позволить себе заходить даже глубже в своих хозяев, если ты узнаешь нужное Могло-Бы-Быть.

– Если я найду вглубь, как я его узнаю?

- Это тебе придется выяснить самому. Я могу лишь сказать тебе, что так это работает.

- И теперь меня снова Погрузят в кого-то?

- Да.

- Мне уже не так страшно, как сначала, Гаудиор, но все-таки страшно.

- Все правильно, - сказал Гаудиор.

- И если я позволю себе уйти глубже, как я буду вникать с Мег?

- Если захочешь - будешь вникать.

- Она понадобится мне...

- Почему?

- Не знаю. Просто знаю, что это так.

Гаудиор выпустил три радужных пузырька:

- Держись крепче, крепче, крепче... Мы помчимся с ветром, и на этот раз нам могут встретиться эхтры, которые попытаются скинуть тебя с моей спины и забросить за грань мира.

Глава четвертая

Снег, слепящий белизной...

Огромный единорог взметнулся вместе с ветром, и они поплыли среди звезд - часть танца, часть гармонии. Каждое пылающее солнце оборачивалось вокруг

своей оси, и пение порождалось трением – так палец, скользящий вдоль ободка хрустального бокала, порождает звук, и у разных бокалов песня разная по высоте и тону.

Но такой восхитительной песни не смогли бы породить ни хрусталь, ни дерево, ни медь. Слияние мелодии и гармонии было столь совершенным, что Чарльз Уоллес едва не ослабил хватку рук на гриве единорога.

– Нет! – вскрикнула Мег вслух. – Держись, Чарльз Уоллес! Не выпускай гриву!

Порыв ледящего холода рассек красоту полета, и холод этот нес с собой зловоние смерти и разложения.

Давясь тошнотой, Чарльз Уоллес уткнулся лицом в гриву Гаудиора и вцепился в серебряные пряди, а эхтр попытался стащить его со спины единорога. Вонь была столь отвратительной, что уже сама по себе заставила бы его разжать пальцы, если бы его не спас резкий запах живой плоти Гаудиора. Мальчик прижался лицом к серебристой гриве, вдыхая своеобразие единорожьего пота. Сияющие крылья Гаудиора до боли бились о незримые крылья тьмы. Единорог надрывно заржал, его звонкий голос потерялся в завываниях бури.

Внезапно его копыта ударились обо что-то твердое. Гаудиор испустил встревоженное ржание.

– Крепче держись, не упади! – предупредил он. – Нас сдуло в Отражение.

Чарльз Уоллес вряд ли смог бы вцепиться в гриву еще крепче.

– Куда-куда?

– Нас сдуло в Отражение, в возможное будущее, в такое будущее, которое эхтры хотят сделать реальным. – Единорог судорожно хватал воздух, бока его под ногами Чарльза Уоллеса тяжело вздымались.

Мальчик содрогнулся, вспомнив темные хлещущие крылья и тошнотворный запах. Если эхтры хотят что-то сделать реальным, это наверняка что-то ужасное.

Они очутились на пустоши, покрытой, похоже, застывшей лавой, – только вот лаве не свойственно так блестеть. Небо было затянуто мерцающими розоватыми тучами. Едкий воздух заставил их закашляться. Было жарко, и Чарльз Уоллес обильно потел под легким анораксом, в жару работающим печкой.

– Где мы? – спросил мальчик.

Ему хотелось услышать от Гаудиора, что они не в его собственном Где, что это никак не может быть то самое место со звездным валуном, среди леса, всего в нескольких минутах ходьбы от дома.

Но голос Гаудиора дрогнул от беспокойства.

– Мы все еще здесь, в твоём Где, хотя и не в настоящем Когда.

– Так будет?

– Это одно из Отражений, которое мы должны попытаться предотвратить. А эхтры сделают все, что только в их силах, чтобы оно стало реальностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Даруй нам мир» (лат.) – традиционный католический канон. (Здесь и далее – примеч. перев.)

2

Здесь и далее перевод стихов М. Авдониной.

Купить: https://tellnovel.com/l-engl_madlen/bystro-vraschaetsya-planeta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)